

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении столетий и в наши дни в России идет поиск направления развития страны, совершались многочисленные преобразования. Под влиянием социальных и техногенных прорывов происходила смена идеологических догм, государственных устоев, национальных приоритетов. Вслед за ними меняются жизненное пространство и судьбы поколений. Однако за многие столетия сформировались достаточно стойкие особенности мышления, взаимного общения и действий, характерные для отдельных людей и всей национальной общности.

Об этом задумываешься, сопоставляя образы и поступки известных исторических личностей и персонажей литературных произведений с современниками. Часто при этом достаточно просто представить себе переживания и поведение переодетых в одежды XXI века наших предшественников. Вековой путь в этих случаях оказывается не таким уж далеким. История учит оценивать прошлое с благодарностью — не просто как воспоминания, а как урок, предохраняющий от ошибок и подсказывающий наиболее рациональные жизненные решения. Всегда ли мы воспринимаем и запоминаем этот урок?

Очерк А.М. Горького «О русском крестьянстве», изданный на русском языке в Берлине в 1922 году, выдержки из которого приводятся в первой главе, мало знаком современным читателям. Для меня же он в далекой юности стал одним из источников понимания людей и событий. Дело в том, что моя мать была литературоведом и занималась творческим наследием писателя. В нашем доме хранилось множество книг Горького и обсуждавших их публикаций. Среди них имелась и небольшая заграничная брошюра «О русском крестьянстве». Этот очерк я прочитал, наверное, готовясь к школьному экзамену по литературе. На основе многочисленных встреч и своих размышлений Горький с разных сторон рассматривает особенности русского человека. Его взгляд на историю и российскую действительность позволяет видеть себя в прошлом, оценивать настоящее и предвидеть будущее.

Среди множества описаний особенностей наших соотечественников мне показались интересными мало знакомые читателям размышления о русском национальном характере, принадлежащие различным специалистам — писателю Ю.С. Семенову, опытному дипломату М. Палеологу, врачу-психиатру академику Т.Б. Дмитриевой и физиологу И.П. Павлову¹.

Во второй главе первой части книги, в документально-художественной повести Ю. Семенова «Смерть Петра» затронуты много вопросов развития России, не до конца понятых и не решенных ни 300 лет назад, ни в годы написания повести, ни в наши дни. В выдержках

¹ Выдержки из текстов приведены по следующим изданиям: Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922 (рус.); Семенов Ю.С. Версии. М., 1990; Палеолог М. Дневник посла. М., 2003; Дмитриева Т.Б. Характер: русский. М., 2001; Павлов И.П. Об уме вообще, о русском уме в частности // Природа. 1993. № 8.

из повести приводятся выдержки из повести, в которых писатель мастерски ведет читателя из далекой истории к современности. Он подчеркивает важность созидательной реформаторской деятельности Петра Первого, его целенаправленных преобразований, позволивших искать волевые решения и их реализовывать. Для этого требовался характер Петра, его ответственность за страну, знания и умение авторитетно управлять подчиненными. Это главное, что определило историческую роль царя и позволяет закрывать глаза на его сумасбродные поступки. В открытой и тайной борьбе за власть и ее сохранение Петр сумел объединить не только, выражаясь современным языком, элиту столбовых и жалованных дворян, но и другие слои общества.

В третьей главе приводятся выдержки из дневниковых записей одного из активных участников европейской политики первых двух десятилетий XX века, посла Французской Республики в России накануне и во время Первой мировой войны М. Палеолога. Взгляд дипломата и политика со стороны и изнутри — не только на российскую историю и действительность бурного начала XX столетия, но и на поведение и судьбы отдельных людей, — представляет особый интерес для понимания «русских особенностей». В дневнике Мориса Палеолога можно найти точные и выверенные характеристики особенностей менталитета различных представителей российского общества. Они были положены в основу выбранных для перепечатки страниц его дневниковых записей.

Четвертая глава включает выдержки из книги ученого и врача-психиатра Т.Б. Дмитриевой, посвященной рассмотрению социально-психологических особенностей национального характера. Профессиональная наблюдательность позволила автору подметить многие

личностные характеристики современников, отмечавшиеся и у наших предков в далеком прошлом.

В пятую главу вошли размышления «О русском уме» известного физиолога, лауреата Нобелевской премии, академика И.П. Павлова — часть его лекции «Об уме вообще, о русском уме в частности», прочитанной в 1918 году.

Во второй части книги предпринята попытка обобщить взгляды писателей, дипломата и ученых на особенности нашего национального характера. Она оказалась крайне трудной из-за разных авторских подходов к рассматриваемым вопросам. И все же знакомство с ними позволяет просить читателей этой книги внимательно взглянуть на окружающих. Какие у нас особенности, повторяем ли мы предшественников, на что мы годимся, какой у нас характер?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ
И РАЗМЫШЛЕНИЯ
О НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Максим Горький (Алексей Максимович Пешков, 1868–1936) — выдающийся русский советский писатель и драматург, основоположник литературы социалистического реализма.

Глава 1

А.М. Горький

О РУССКОМ КРЕСТЬЯНСТВЕ

1.1. О сущности народа

...В сущности своей всякий народ — стихия анархическая; народ хочет как можно больше есть и возможно меньше работать, хочет иметь все права и не иметь никаких обязанностей. Атмосфера бесправия, в которой издревле привык жить народ, убеждает его в законности бесправия, в зоологической естественности анархизма. Это особенно плотно приложимо к массе русского крестьянства, испытавшего более грубый и длительный гнет рабства, чем другие народы Европы. Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого народ русский пытался организовать такое государство в форме казачества, Запорожской Сечи.

Еще до сего дня в темной душе русского сектанта не умерло представление о каком-то сказочном «Опоньском царстве», оно существует где-то «на краю земли», и в нем люди живут безмятежно, не зная «антихристовой суеты», города, мучительно истязуемого судорогами творчества культуры. В русском крестьянине как бы еще не изжит инстинкт кочевника, он смотрит на труд пахаря как на проклятие Божье и болеет «охотой к перемене мест». У него почти отсутствует — во всяком случае, очень слабо развито — боевое желание укрепиться на избранной точке и влиять на окружающую среду в своих интересах, если же он решается на это — его ждет тяжелая и бесплодная борьба. Тех, кто пытается внести в жизнь деревни нечто от себя, новое — деревня встречает недоверием, враждой и быстро выжимает или выбрасывает из своей среды. Но чаще случается так, что новаторы, столкнувшись с неодолимым консерватизмом деревни, сами уходят из нее. Идти есть куда — всюду развернулась пустынная плоскость и соблазнительно манит вдаль.

Талантливый русский историк Костомаров говорит: «Оппозиция против государства существовала в народе, но, по причине слишком большого географического пространства, она выражалась бегством, удалением от тягостей, которые налагало государство на народ, а не деятельным противодействием, не борьбой». Со времени, к которому относится сказанное, население русской равнины увеличилось, «географическое пространство» сузилось, но — психология осталась и выражается в курьезном совете-поговорке: «От дела — не бегай, а дела — не делай».

...

1.2. Крестьянский труд

Технически примитивный труд деревни неимоверно тяжел, крестьянство называет его «страда» от глагола «страдать». Тяжесть труда, в связи с ничтожеством его результатов, углубляет в крестьянине инстинкт собственности, делая его почти не поддающимся влиянию учений, которые объясняют все грехи людей силой именно этого инстинкта.

Труд горожанина разнообразен, прочен и долговечен. Из бесформенных глыб мертвой руды он создает машины и аппараты изумительной сложности, одухотворенные его разумом, живые. Он уже подчинил своим высоким целям силы природы, и они служат ему как джинны восточных сказок царю Соломону. Он создал вокруг себя атмосферу разума — «вторую природу», он всюду видит свою энергию воплощенной в разнообразии механизмов, вещей, в тысячах книг, картин, и всюду запечатлены величавые муки его духа, его мечты и надежды, любовь и ненависть, его сомнения и верования, его трепетная душа, в которой неугасимо говорит жажда новых форм, идей, деяний и мучительное стремление вскрыть тайны природы, найти смысл бытия.

Будучи поработщен властью государства, он остается внутренне свободен, — именно силой этой свободы духа он разрушает изжитые формы жизни и создает новые. Человек деяния, он создал для себя жизнь мучительно напряженную, порочную, но — прекрасную своей полнотой. Он возбудитель всех социальных болезней, извращений плоти и духа, творец лжи и социального лицемерия, но — это он создал микроскоп самокритики, который позволяет ему со страшной ясностью видеть все свои пороки и преступления,

все вольные и невольные ошибки свои, малейшие движения своего всегда и навеки неудовлетворенного духа.

...

1.3. Русский бунт

Был в России некто Иван Болотников, человек оригинальной судьбы: ребенком он попал в плен к татарам во время одного из их набегов на окраинные города Московского царства, юношей был продан в рабство туркам, — работал на турецких галерах, его выкупили из рабства венецианцы, и, прожив некоторое время в аристократической Республике дожей, он возвратился в Россию.

Это было в 1606 году; московские бояре только что затравили талантливого царя Бориса Годунова и убили умного смельчака, загадочного юношу, который, приняв имя Дмитрия, сына Ивана Грозного, занял Московский престол и, пытаясь перебороть азиатские нравы москвитян, говорил в лицо им:

«Вы считаете себя самым праведным народом в Море, а вы — развратны, злобны, мало любите ближнего и не расположены делать добро».

Его убили, был выбран в цари хитрый, двоедушный Шуйский, князь Василий, явился второй самозванец, тоже выдававший себя за сына Грозного, и вот в России началась кровавая трагедия политического распада, известная в истории под именем Смуты. Иван Болотников пристал ко второму самозванцу, получил от него право команды небольшим отрядом сторонников самозванца и пошел с ними на Москву, проповедуя холопам и крестьянам:

«Бейте бояр, берите их жен и все достояние их. Бейте торговых и богатых людей, делите между собой их имущество».

Эта соблазнительная программа примитивного коммунизма привлекла к Болотникову десятки тысяч холопов, крестьян и бродяг, они неоднократно били войска царя Василия, вооруженные и организованные лучше их; они осадили Москву и с великим трудом были отброшены от нее войском бояр и торговых людей. В конце концов этот первый мощный бунт крестьян был залит потоками крови, Болотникова взяли в плен, выкололи ему глаза и утопили его.

Имя Болотникова не сохранилось в памяти крестьянства, его жизнь и деятельность не оставила по себе ни песен, ни легенд. И вообще в устном творчестве русского крестьянства нет ни слова о десятилетней эпохе — 1602–1603 годах — кровавой Смуты, о которой историк говорит как о «школе своевольства, безначалия, политического неразумия, двоедушия, обмана, легкомыслия и мелкого эгоизма, не способного оценить общих нужд». Но все это не оставило никаких следов ни в быте, ни в памяти русского крестьянства.

...

Через 50 лет после Болотникова донской казак Степан Разин поднял крестьянство почти всего Поволжья и двинулся с ним на Москву, возбужденный той же идеей политического и экономического равенства. Почти три года его шайки грабили и резали бояр и купцов, он выдерживал правильные сражения с войсками царя Алексея Романова, его бунт грозил поднять всю деревенскую Русь. Его разбили, потом четвертовали. В народной памяти о нем осталось две-три песни, но чисто народное происхождение

их сомнительно, смысл же был не понятен крестьянству уже в начале XIX века.

Не менее мощным и широким по размаху был бунт, поднятый при Екатерине Великой уральским казаком Пугачевым, — «эта последняя попытка борьбы казачества с режимом государства», как определил этот бунт историк С. Ф. Платонов. О Пугачеве тоже не осталось ярких воспоминаний в крестьянстве, как и о всех других, менее значительных, политических достижениях русского народа.

О них можно сказать буквально то же, что сказано историком о грозной эпохе Смуты:

«Все эти восстания ничего не изменили, ничего не внесли нового в механизм государства, в строй понятий, в нравы и стремления...»

К этому суждению уместно прибавить вывод одного иностранца, внимательно наблюдавшего русский народ. «У этого народа нет исторической памяти. Он не знает свое прошлое и даже как будто не хочет знать его». Великий князь Сергей Романов рассказал мне, что в 1913 году, когда праздновалось трехсотлетие династии Романовых и царь Николай был в Костроме, — Николай Михайлович — тоже великий князь, талантливый автор целого ряда солидных исторических трудов, — сказал царю, указывая на многотысячную толпу крестьян:

«А ведь они совершенно такие же, какими были в XVII веке, выбирая на царство Михаила, такие же; это — плохо, как ты думаешь?»

Царь промолчал. Говорят, он всегда молчал в ответ на серьезные вопросы. Это — своего рода мудрость, если не является хитростью или — не вызвано страхом.

Жестокость — вот что всю жизнь изумляло и мучило меня. В чем, где корни человеческой жестокости?

Я много думал над этим и — ничего не понял, не понимаю.

Давно когда-то я прочитал книгу под зловещим заглавием: «Прогресс как эволюция жестокости».

Автор, искусно подобрав факты, доказывал, что с развитием прогресса люди все более сладострастно мучают друг друга и физически, и духовно. Я читал эту книгу с гневом, не верил ей и скоро забыл ее парадоксы.

Но теперь, после ужасающего безумия европейской войны и кровавых событий революции, — теперь эти едкие парадоксы все чаще вспоминаются мне. Но — я должен заметить, что в русской жестокости эволюции, кажется, нет, формы ее как будто не изменяются.

...

В русской жестокости чувствуется дьявольская изоцирненность, в ней есть нечто тонкое, изысканное. Это свойство едва ли можно объяснить словами «психоз», «садизм», словами, которые в сущности и вообще ничего не объясняют. Наследие алкоголизма? Не думаю, чтоб русский народ был отравлен ядом алкоголя более других народов Европы, хотя допустимо, что при плохом питании русского крестьянства яд алкоголя действует на психику сильнее в России, чем в других странах, где питание народа обильнее и разнообразнее.

...

1.4. Добродушие и вдумчивость крестьянина

...

Но где же — наконец — тот добродушный, вдумчивый русский крестьянин, неутомимый искатель правды

и справедливости, о котором так убедительно и красиво рассказывала миру русская литература XIX века?

В юности моей я усиленно искал такого человека по деревням России и — не нашел его. Я встретил там сурового реалиста и хитреца, который, когда это выгодно ему, прекрасно умеет показать себя простаком. По природе своей он не глуп и сам хорошо знает это. Он создал множество печальных песен, грубых и жестоких сказок, создал тысячи пословиц, в которых воплощен опыт его тяжелой жизни. Он знает, что «мужик не глуп, да — мир дурак» и что «мир силен, как вода, да глуп, как свинья».

Он говорит: «Не бойся чертей, бойся людей». «Бей своих — чужие бояться будут».

(Ср. здесь. В.М.) О правде он не очень высокого мнения: «Правдой сыт не будешь». «Что в том, что ложь, коли сыто живешь». «Правдивый, как дурак, так же вреден».

Чувствуя себя человеком, способным на всякий труд, он говорит: «Бей русского, — часы сделает». А бить надо потому, что «каждый день есть не лень, а работать неохота».

Таких и подобных афоризмов у него тысячи, он ловко умеет пользоваться ими, с детства он слышит их и с детства убеждается, как много заключено в них резкой правды и печали, как много насмешки над собою и озлобления против людей. Люди — особенно люди города — очень мешают ему жить, он считает их лишними на земле, буквально удобренной потом и кровью его, на земле, которую он мистически любит, непоколебимо верит и чувствует, что с этой землей он крепко спаян плотью своей, что она его кровная собственность, разбойнически отнятая у него. Он задолго раньше лорда Байрона знал, что «пот крестьянина стоит усадьбы помещика». Литература народолюбцев служила целям

политической агитации и поэтому идеализировала мужика. Но уже в конце XIX столетия отношение литературы к деревне и крестьянину начало решительно изменяться, стало менее жалостливое и более правдивое. ...

1.5. О религиозности крестьян

...

Существует мнение, что русский крестьянин как-то особенно глубоко религиозен. Я никогда не чувствовал этого, хотя, кажется, достаточно внимательно наблюдал духовную жизнь народа. Я думаю, что человек безграмотный и не привыкший мыслить не может быть истинным теистом или атеистом и что путь к твердой, глубокой вере лежит через пустыню неверия.

Беседуя с верующими крестьянами, присматриваясь к жизни различных сект, я видел прежде всего органическое, слепое недоверие к поискам мысли, к ее работе, наблюдал умонастроение, которое следует назвать скептицизмом невежества.

В стремлении сектантов обособиться, отойти в сторону от государственной церковной организации мною всегда чувствовалось отрицательное отношение не только к обрядам и — всего меньше — к догматам, а вообще к строю государственной и городской жизни. В этом отрицании я не могу уловить какой-либо оригинальной идеи, признаков творческой мысли, искания новых путей духа. Это просто пассивное и бесплодное отрицание явлений и событий, связей и значений которых мысль, развитая слабо, не может понять.

Мне кажется, что революция вполне определенно доказала ошибочность убеждения в глубокой религиозности крестьянства в России. Я не считаю значительными факты устройства в сельских церквях театров и клубов,